

Наталья Филимонова

Кто живёт на чердаке?
Сказки про домовых

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
Ф53

Серия «Шляпа волшебника»
Иллюстрации *Сергея Шумары, Светланы Кондесюк*
Дизайн обложки *Марины Акининой*

Филимонова, Наталья Сергеевна
Ф53 Кто живёт на чердаке? Сказки про домовых / Наталья Филимонова. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 315, [2] с.: — (Шляпа волшебника).

ISBN 978-5-17-100101-8

• **ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА**
«КНИГА ГОДА: ВЫБИРАЮТ ДЕТИ»

• **1-е место рейтинга**
«Лучшие ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ книги 2015 года:
выбор детей 8-10 лет»

Взрослые не верят в домовых, потому что не могут их увидеть, — и буку из кладовки, и старого домового, и кикимору, и ещё много-много других персонажей этой волшебной сказки.

Но это нисколько не мешает домовятам Нюсе и Теше любить своих маленьких хозяев, и помогать им — правда иногда очень по-своему, «по-домовячьи»...

Подписано в печать 15.09.16.
Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Наталья Филимонова, текст, 2013
© Сергей Шумара, иллюстрации, 2013
© Светлана Кондесюк, иллюстрации, 2015
© 000 «Издательство АСТ», 2016

НЮСЯ ИЗ-ЗА ШКАФА

Глава первая

Очень приятно, Нюся!

Вообще-то Нюся зелёная.

Но иногда она меняется — под настроение. Ну или, скажем, под новый бант.

Любе случалось видеть Нюсю лиловой, жёлтой и даже нежно-розовой. Но чаще всего она все-таки зелёная.

Вдобавок Нюся очень худая. Ещё у неё длиннющий нос, похожий на крысиный, перепонки между пальцами на ногах и огромные глаза. В темноте они светятся. Ну и, конечно, хвост — длинный, с кисточкой на конце.

* * *

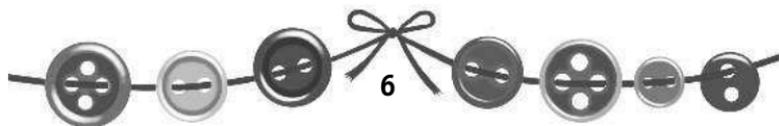
Впервые Люба увидела Нюсю, кажется, через месяц после того, как всё семейство Зайченковых поселилось в новой квартире. Люба, конечно, очень радовалась переезду и тому, что у них есть теперь целых три комнаты — одна общая, самая большая, одна для мамы и папы и третья — её собственная. Ещё были, разумеется, кухня, ванная, балкон и маленькая кладовка рядом с детской.

Само собой, собственная комната — это здорово. Там можно играть сколько угодно, туда можно приводить друзей... правда, друзей в школе Люба ещё завести не успела. Так что в гости к ней пока никто не ходил.

* * *

В тот день Люба пришла из школы довольно рано. Мама скоро должна была прийти на обед — а она работала неподалёку — но пока никого из родителей ещё не было дома. Бросив школьный рюкзак в прихожей, Люба разулась и прошла в кухню. Проигнорировав записку на столе («Я задержусь. Разогрей котлеты в микроволновке. Обязательно поешь! Целую, мама», — крупными печатными буквами на тетрадном листе), она налила себе холодного чая, сгребла пригоршню конфет из вазочки и направилась в гостиную. Включила телевизор, пощёлкала пультом.

Вообще-то лежать на ковре перед телевизором, поглощая конфеты, — это особое удовольствие, но толь-

ко если делать это вместе с папой. И чтобы мама сидела в кресле с ногами, листая журнал или довязывая кофточку.

Какой-то глупый мультик, новости, футбол... ничего интересного. Со вздохом выключив телевизор, Люба собрала с пола фантики и остатки конфет и направилась в свою комнату.

На окне лежала забытая со вчерашнего вечера книжка. В ней рассказывалось о приключениях маленького дельфинёнка. Люба забралась с ногами на подоконник, принялась перелистывать страницы.

...А здорово было бы хоть раз увидеть дельфинов! И подружиться с одним из них. Плавать вместе в каком-нибудь никому не известном заливе и играть, брызгаясь солёной водой и ныряя. Правда, для этого, скорее всего, сначала надо будет спасти дельфина от какой-нибудь страшной беды...

Люба со вздохом отложила книжку. Она никогда не была на море и даже не умела плавать.

За окном синело бездонное сентябрьское небо. Какие-то девчонки во дворе с визгом прыгали в «классы», незнакомый мальчик выводил что-то на асфальте жёлтым мелом, вечный дворник сметал первые рыжеватые палые листья с тротуара.

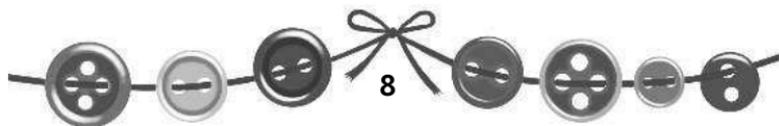
Можно сделать уроки, можно порисовать или почитать... А ещё можно выйти на балкон и, перевесившись через перила, считать проезжающие машины и загадывать, которая по счёту окажется папиной.

Вместо всего этого Люба улеглась на свою кровать и стала представлять, какие ужасы могут приключиться с мамой по дороге с работы.

Может, например, произойти землетрясение. Или, скажем, она упадёт с лестницы, поднимаясь на восьмой этаж — вдруг лифт не работает? — и сломает ногу. Конечно, кто-нибудь вызовет «скорую», и тогда маму увезут... И она не придёт совсем! Никогда! А Люба так и будет лежать и лежать вот так и не знать даже, что приключилось... А папа может попасть в автомобильную аварию — мама тысячу раз говорила ему, чтобы он ездил поосторожнее, сейчас на дорогах так много аварий... Или не в аварию. Или в пробку.

Папа всё время говорит про пробки на дорогах. Любе когда-то представлялось, что на дорогах лежат такие здоровенные — размером с дом — пробки вроде пробок из-под шампанского, которыми папа так весело стрелял в потолок по праздникам. И из-за них люди не могут проехать домой или на работу. А однажды они всей семьей ехали в кино, и дорога оказалась перекрыта целой вереницей машин, стоявших одна за другой. И папа сказал: «Пробка». Они тогда опоздали в кино, но Любу это взволновало куда меньше, чем открытие, что никакой гигантской пробки из-под шампанского на дороге не было. Машины просто стояли без всяких видимых причин. И почему бы им было просто не поехать всем сразу, оставалось загадкой... Наверняка же бывают на свете такие пробки, которые стоят вечно. Видимо, водители всё не могут договориться между собой, чтобы поехать, наконец, всем вместе, и стоят, стоят, стоят... Могут целый год простоять. И нет им совершенно никакого дела, что Люба Зайченкова весь этот год ждёт папу с работы...

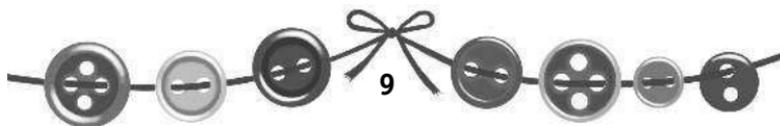
Любе стало так жалко себя, что, наконец, она начала тихонько всхлипывать, уткнувшись в подушку. Конечно, можно было просто позвонить маме... но что ей сказать? «Мама, ты случайно не сломала ногу?» — «Нет, дорогая, мои ноги в полном порядке, я только что их пересчитала...» Представив этот разговор, Люба даже слегка хрюкнула в подушку, но потом рыдалась пуще прежнего.

Именно поэтому она и не заметила, как прямо из обоев на стене вырос длинный светло-зелёный нос...

Нос немного пошевелился, принюхиваясь. Затем из стены показалась целая голова — с большими ушами с кисточками, как у белки, между которыми помещался огромный криво завязанный бант. (При ближайшем рассмотрении в банте легко угадывался обрезок маминого шейного платка, пропавшего при переезде.) Из-под банта торчала взъерошенная жиденькая чёлка. Обладательница головы поводила ещё немного носом из стороны в сторону и решила вылезти совсем.

Издали её, пожалуй, можно было бы принять за маленькую девочку — едва ли намного старше самой Любы. Только очень уж странную девочку. Ростом она тоже была примерно с Любу, но казалась намного тоньше любой девочки её возраста. Одетая — в желтоватую меховую безрукавку. А вместо юбки на ней были намотаны какие-то разномастные тряпки. Из-под этих импровизированных юбок выглядывал тонкий гибкий хвост.

— Ты больше не будешь есть эти конфеты? — спросила она, деликатно тронув хвостом вздрагивающее от рыданий Любино плечо.

Конечно, прежде всего Люба испугалась. Она сделала — или попыталась сделать — всё, что полагается в таких случаях.

Всякая первоклассница — а уж тем более отличница вроде Любы — твёрдо знает, что, если в запертой квартире, где ты сидишь совсем одна, к тебе вдруг подходит незнакомое зелёное существо с длинным носом, большими ушами, трехпальными перепончатыми лапами, в лохмотьях и с бантом на голове и заговаривает с тобой по-человечески — следует:

во-первых, отскочить,

во-вторых, завизжать,

и в-третьих — убежать и попросить соседей вызвать милицию.

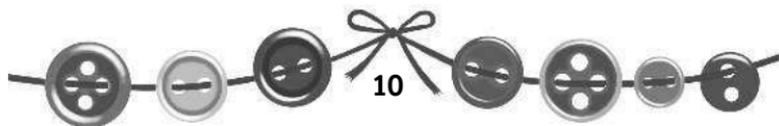
Люба, конечно, отскочила и приготовилась уже завизжать, но потом сообразила, что дома-то всё равно никого нет, и значит, кричать совершенно бессмысленно. Потом она представила, как станет рассказывать соседке про эту зелёную, и что соседка при этом о ней, Любе, подумает... и совсем передумала делать всё как полагается.

К тому же это же страшно интересно! А вдруг перед ней настоящая инопланетянка? У неё, Любы Зайченковой, будет своя собственная инопланетянка!!! И она никому про неё не расскажет...

— Ты инопланетянка? — спросила она вслух.

— Сама ты инопланетянка, — сварливо ответило зелёное существо. — Я Ньюся. Конфеты, говорю, доедать будешь?

В Любе боролись два чувства. С одной стороны — любопытство. С другой — конфет таки было жалко.

Это были её любимые шоколадные конфеты с молочной начинкой и целыми орешками.

— Угощайся,— решила она наконец, внутренне вздохнув.

— Вот это правильно! — обрадовалась Нюся и накинулась на конфеты.— Жадность — это плохо,— сообщила она с набитым ртом.

— А ты кто? — робко обратилась к ней Люба.

— Я ж те говорю — Нюся! За шкафом тут у вас живу.

— За шкафом?! — поразилась Люба.— Я так и знала, что там кто-то есть! Только думала, там страшное чего-то... а ты нестрашная совсем.

— Совсем,— кивнула Нюся, не переставая чавкать.

— А родители мне не верят...

— Родители! — пренебрежительно фыркнула Нюся.— Удивительно бесполезный народец. Они не заметят, даже если великая битва шмыгов и дрыгов разразится прямо у них в спальне.

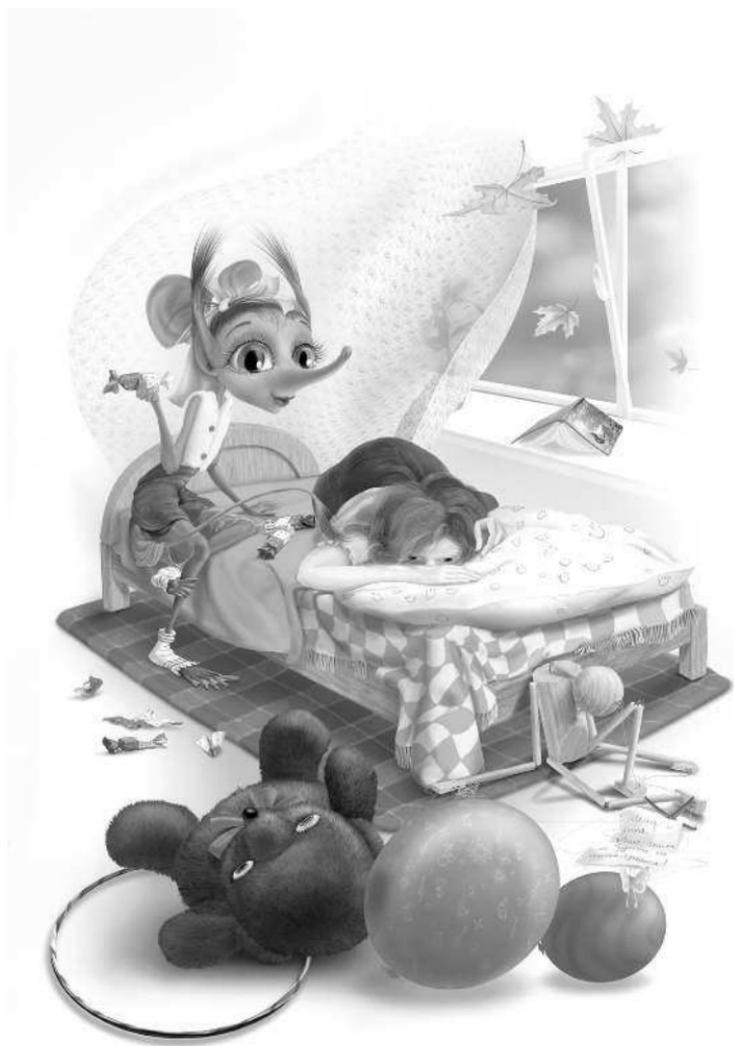
— Великая битва... кого?

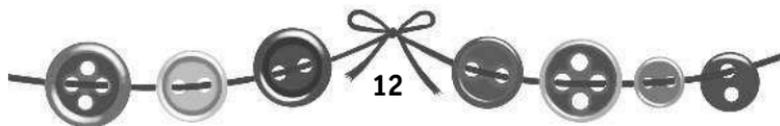
Нюся снова кивнула с важным видом, который, впрочем, несколько портил размазанный вокруг рта шоколад.

— Как-нибудь расскажу... кстати, имей в виду: те ребята, что живут у тебя под кроватью,— вовсе не такие милые, как я. И ещё за шторами... и в кладовке... в общем, стоит быть начеку.

— Они что, опасные? — Люба с недоверием покосилась на шторы.

— Ну конечно. Само собой, при родителях они тебя не тронут. Но как только мама тебе пожела-

ла спокойной ночи и выключила свет — они тут как тут, так и норовят ухватить склизкой холодной ручищей за ногу... Против них есть только одно заклинание,— тут Нюся понизила голос до драматического шёпота.— Слушай внимательно: нужно три раза подряд сказать «АБРА КРАДАМ БАБРА-КАДАМ СКРИБЛИ ТУМТУМ» — и они моментально расплзутся по своим углам. Имей в виду, если напутать с заклинанием — они только разозлятся... Хотя,— она снова заговорила нормальным голосом,— вообще-то одеяло надежнее.

— Одеяло? — удивилась Люба.— Как это?

— Очень просто. Запаковываешься в одеяло плотнее, подтыкаешь его со всех сторон, чтоб ни ноги, ни руки не торчали,— и всё. Одеяло от шмыгов и прочих пугалок — самое верное средство. Они к нему и прикоснуться не могут.

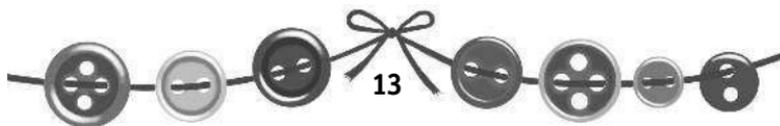
— Почему?

Нюся пожала плечами:

— Никто не знает. Ты же не спрашиваешь, почему солнце светит днем, а луна ночью. Или почему дважды два — обязательно четыре. Такой порядок, и никто не знает, кто этот порядок придумал... Кстати,— Нюся скомкала и швырнула под кровать последнюю конфетную обёртку,— а чего ты ревела?

— Так,— смутилась Люба,— ничего...

— Из-за ничего так не ревут. Из-за ничего ревут гораздо громче. Ещё хорошо при этом вскрикивать и рвать какие-нибудь бумажки. Уж я-то знаю! Вот над нами, к примеру, живет одна девица, та всё время так делает... Так из-за чего ты ревела?

Люба со вздохом объяснила про упавшую с лестницы маму, про пробку и попавшего в аварию папу.

— Фу-ты,— разочарованно протянула Нюся.— Я-то думала... Твоя мама хоть раз ломала ногу?

— Н-нет...

— Ну вот. Да придут они, не бойсь. Они всегда приходят. На то и родители. А были бы они дома, ты бы со мной, между прочим, и не познакомилась даже. Со мной, кстати, гораздо интереснее, чем с какими-то там родителями... А мне бы тогда конфет не досталось,— Нюся с сожалением облизала шоколад с пальцев.

— Почему?

— Взрослым,— сказала Нюся страшным шёпотом,— про меня знать не полагается. А то у них ум за разум зайдёт. Имей в виду,— сообщила она уже в полный голос,— если ты начнешь про меня рассказывать, я первая им скажу, что ты умом двинулась.

— Да как ты скажешь,— засмеялась Люба,— если тебе им показываться нельзя?

— Уж я найду как сказать... — Нюся обошла комнату, по-хозяйски трогая Любины игрушки.— И, кстати, показываться-то мне можно... только они всё равно не увидят. Понимаешь, у них, у взрослых, мозги так устроены — если они видят что-нибудь необычное, странное, ну что-нибудь, во что они не верят,— они как будто перестают видеть. Как если бы им соринка в глаз попала или светом на секунду ударило... они тогда решают, что это им показалось, что это тень так упала, или ещё какую-нибудь глупость себе выдумывают. Нормальные люди среди взрослых — большая редкость.

— Мои мама и папа — нормальные,— убеждённо сообщила Люба.

— Вот именно,— язвительно ответила Нюся.— Слишком даже нормальные... Спорим, я могу танцевать чечётку прямо у них перед носом, а они так и не поверят ни единому твоему слову про Нюсю из-за Шкафа?

— Да, наверное,— немного поразмыслив, неохотно подтвердила Люба.

В этот самый момент из прихожей послышался звук поворачивающегося в замке ключа.

— Н-ну,— внезапно засуежилась Нюся,— мне, похоже, пора. Это наверняка твоя мама — она так и не догадалась сломать ногу. А меня ещё сегодня в гости пригласили, на чай. У Теши Закроватного тоже конфеты от новоселья остались...

— Закроватного? — Люба на всякий случай заглянула за кровать.

— Да не твоего закроватного, глупая! Он в соседней квартире живет, у Миши Славина за кроватью. Ну, бывай! Кстати, если кинешь мне за шкаф вечером пару конфет, ну или, допустим, шоколадку или зефир... Булочки ещё тоже я ем — в общем, я совершенно не обижусь! — Нюся прощально махнула зелёной ладонью и нырнула в стену... То есть почти нырнула.

— Погоди! — В последнюю секунду Люба успела ухватиться за кончик длинного хвоста, тот дёрнулся, она потеряла равновесие — и провалилась в стену вслед за Нюсей!

Ух ты-ы-ы... Здесь было тесно, темно и, пожалуй... шершаво. И ещё немножко щекотно.

— Ой, мамочки... — прошептала Люба. Говорить здесь было трудно — как будто во рту и в ушах набита вата.

— Тьфу ты! — где-то рядом в темноте раздраженно фыркнула Нюся.— А мамочка твоя, между прочим,— там, снаружи. И попрошу за хвост меня больше не дёргать! Вообще-то больно. Да не отпускай ты его, дурочка! Так и останешься тут замураванной.

— Извини... — испуганно сказала Люба.— Просто... я и не знала, что могу ходить сквозь стены.

— А ты и не можешь,— авторитетно заявила Нюся.— Ну разве что только со мной.— Подумав, она снисходительно добавила: — Если очень хорошо попросишь — в следующий раз возьму с собой. Будешь крепко держаться за мою руку — всё будет в порядке. Можно ходить по разным этажам и квартирам и быстро прятаться. Только на будущее имей в виду: хвост — это святое! — Она заговорила тоном школьной учительницы: — Конечно, вам, глупым бесхвостым созданиям, этого никогда не понять... В общем, просто запомни: хвост не трогать!! А теперь — марш в свою комнату!

— Ага... Погоди! Я же только хотела спросить,— неуверенно сказала Люба,— ты придёшь ещё?

— Ты совсем глупая, да? Я живу в твоей комнате. За твоим шкафом. Куда, скажи на милость, я денусь? — С этими словами Нюся слегка подтолкнула Любу. Та